

Рон Черноу

ТИТАН
ЖИЗНЬ
Джона Д. Рокфеллера - старшего

Биографии XX века

ОГИЗ

Издательство АСТ
Москва 2020

УДК 929 Рокфеллер Д.
ББК 63.3(7Сое)-8
Ч49

Ron Chernow
Titan
The life of John D. Rockefeller, Sr

Russian translation rights arranged with Melanie Jackson Agency,
LLC through AJA Anna Jarota Agency
(Публикуется с разрешения Melanie Jackson Agency,
through AJA Anna Jarota Agency)

Черноу, Рон

Ч49 Титан. Жизнь Джона Рокфеллера / Р.Черноу; пер. с англ.
И.Бородычевой — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 736 с.: —
(Биографии XX века).

ISBN 978-5-17-122299-4 (ООО «Издательство АСТ»)

Джон Дэвисон Рокфеллер-старший, знаменитый американский предприниматель, филантроп, первый долларовый миллиардер в истории человечества. До сих пор он остается богатейшим человеком в мире. Однако его жизнь была в исключительной степени полна безмолвия, таинственности и недосказанности. Хотя он возглавлял крупнейшие коммерческие и благотворительные предприятия своего времени, о его личности известно мало. Он мастерски менял обличия и жил, окутанный слоями легенд и прикрываясь многочисленными масками. Известный американский писатель, журналист и биограф Рональд Черноу попытался раскрыть личность этого человека незаурядных способностей, сумевшего достичь головокружительного успеха в бизнесе.

**УДК 929 Рокфеллер Д.
ББК 63.3(7Сое)-8**

ISBN 978-5-17-122299-4
(ООО «Издательство АСТ»)

Copyright © 1998 by Ron Chernov
© ООО «Издательство АСТ»,
перевод на русский язык, 2020

*Моему брату, доктору Барту Черноу,
вытащившему меня из пропасти в последний момент;
и очаровательной Валери*

В создании современного мира первостепенную важность имеют два человека: Рокфеллер и Бисмарк. Один в экономике, второй в политике отвергли либеральные мечты о всеобщем счастье через индивидуальное соревнование, заменив их монополией и корпоративным государством или, по меньшей мере, предприняв шаги к ним.

— БЕРТРАН РАССЕЛ
«Свобода против организации, 1814–1914»

В Америке должно было произойти что-то сходное с Дж. Д. Рокфеллером, и для мира только к лучшему, что он оказался немногословен, последователен и поразительно свободен от грубого тщеславия, чувственности и вздорности. Его холодное упорство и безжалостность, возможно, вызывают нечто вроде ужаса, но при этом он был движущей силой, творческим могуществом.

— Г. ДЖ. УЭЛЛС
«Труд, богатство и счастье рода человеческого»

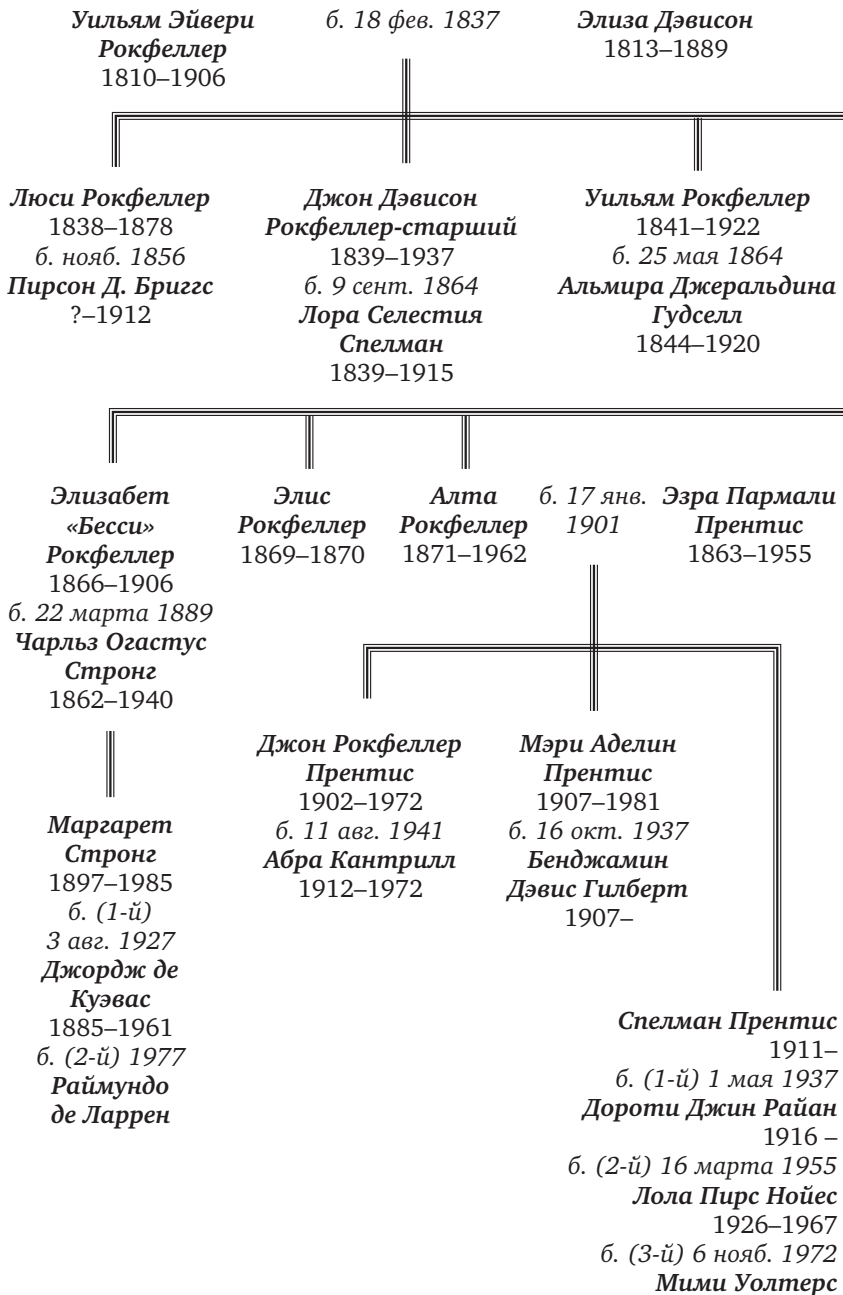
Когда история вынесет свой окончательный приговор Джону Д. Рокфеллеру, вполне возможно, что его вклад в научные исследования будет признан вехой в прогрессе человечества... Сегодня наука не меньше обязана щедрости и прозорливости богатых людей, чем искусство Ренессанса обязано покровительству пап и государей. Из этих людей Джон Д. Рокфеллер первый.

— УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
«Сент-Льюис пост-диспэтч», 8 июля 1935 г.

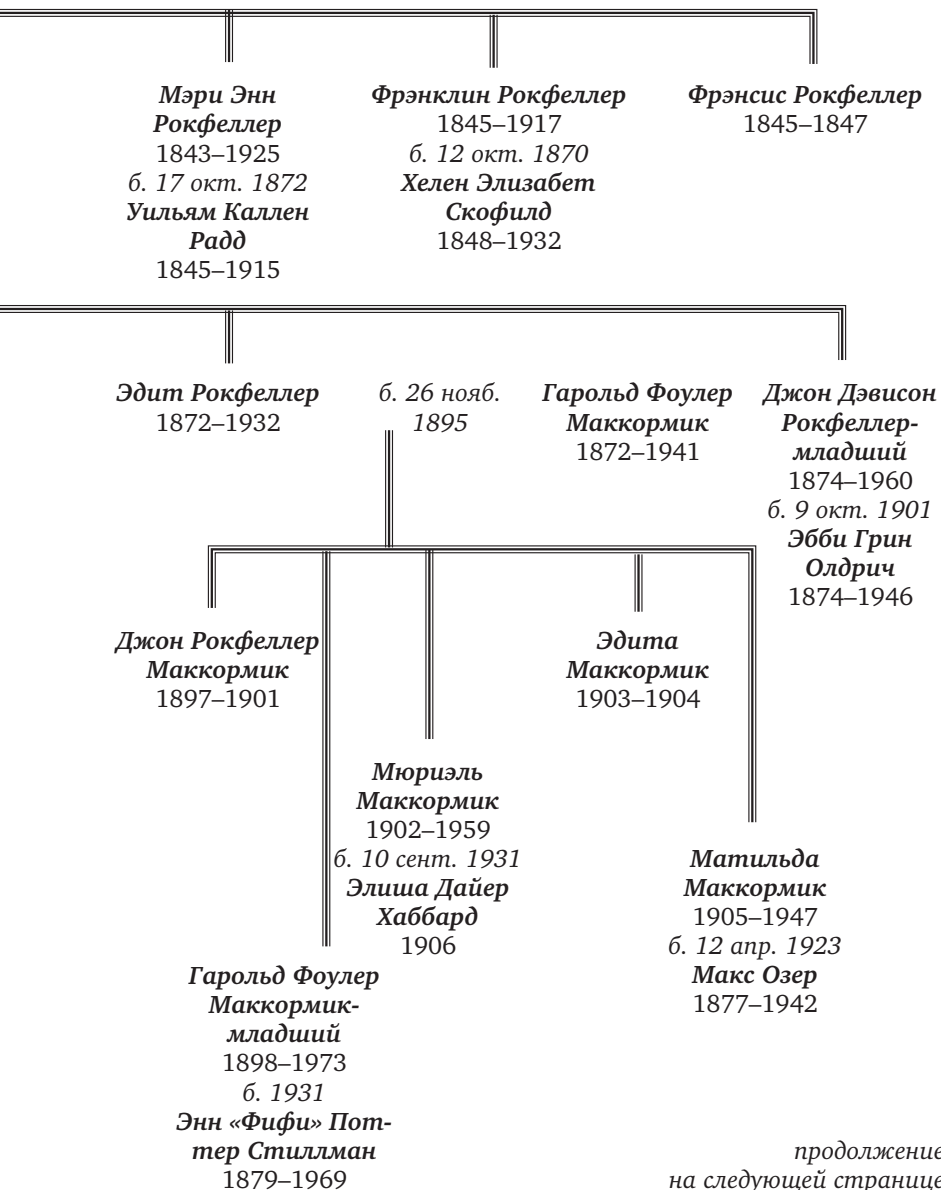
Рокфеллер, как ты знаешь, считается самым богатым человеком в мире, и он определенно самая сильная и значительная личность, из всех, кого я видел. Человек невероятной глубины и для меня достаточно непостижимый. Лицо Пьеро (ни волоса на голове и лице), подвижный, лукавый, квакерский, на первый взгляд не производит иного впечатления, кроме великодушия и совестливости, хотя говорят, что он величайший негодяй в коммерции, какого только породила наша страна.

— УИЛЬЯМ ДЖЕЙМС
из письма к Генри Джеймсу, 29 января 1904 г.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

ПОТОМКИ УИЛЬЯМА И ЭЛИЗЫ РОКФЕЛЛЕР

продолжение
на следующей странице

**Джон Дэвисон
Рокфеллер-
младший**
1874–1960

б. (1-й)
9 окт. 1901

Эбби Грин Олдрич
1874–1948

б. (2-й) 15 авг.
1951
**Марта Бэрд
Аллен**
1895–1971

**Джон Дэвисон
Рокфеллер III**
1906–1978
б. 11 нояб. 1932
**Бланшетт
Ферри Хукер**
1909–1992

**Лоранс Спелман
Рокфеллер**
1910–
б. 15 авг. 1934
Мэри Фрэнч
1910–1997

Дэвид Рокфеллер
1915–
б. 7 сент. 1940
**Маргарет
Макграт**
1915–1996

**Нелсон Олдрич
Рокфеллер**
1908–1979

б. (1-й) 23 июня
1930

**Мэри Тодхантер
Кларк**
1907–

б. (2-й) 4 мая 1963
**Маргаретта
«Хэппи» Фитлер
Мерфи**
1926–

Уинтрон Рокфеллер
1912–1973

б. (1-й) 14 фев. 1948
**Барбара «Бобо»
Сирс**

1916 –

б. (2-й) 11 июня
1956

Жаннетт Эдрис
1918–1997

Эбби «Бабс» Рокфеллер
1903–1976

б. (1-й) 14 мая 1925 **Дэвид Х. Милтон**
1900–1976

б. (2-й) 3 окт. 1946 **Ирвинг Х. Парди**
1892–1949

б. (3-й) 23 апр. 1953 **Жан Мозе**
1903–1974

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь Джона Дэвисона Рокфеллера-старшего была в исключительной степени полна безмолвия, таинственности и недосказанности. Хотя он возглавлял крупнейшие коммерческие и благотворительные предприятия своего времени, о его личности известно мало. Он мастерски менял обличья и жил, окутанный многочисленными легендами и прикрываясь многочисленными масками. Поэтому в нашей национальной духовной культуре его личность присутствует в виде разрозненных образов, от ненавистного создателя «Стандард Ойл», гениального, но холодного, до мудрого чудаковатого старого скряги-филантропа, экономящего каждый цент, но при этом занимающегося благотворительностью и произносящего заготовленные речи для кинохроники. Часто оказывается сложно соединить столь разные образы в общую картинку.

Нельзя сказать, что никто не пытался. В начале века Рокфеллер вдохновлял писателей более, чем любой другой гражданин Америки, книги о нем появлялись практически каждый год. И он был самым знаменитым американцем своих дней, пресса поминутно докладывала и анализировала его заявления и действия. Но даже на волне подъема общественного интереса к нему он иногда казался раздражающе мутным, значительная часть его жизни разворачивалась за стенами его владений и дверями его кабинета из матового стекла.

Возникает ощущение, что Рокфеллера нет в его собственных биографиях, что он проходит сквозь них призрачной бестелесной фигурой. Основные «разгребатели грязи», подобные Генри Демаресту Ллойд и Иде Тарбелл, видели в нем символ треста «Стандард Ойл», погруженного в махинации. Даже в двухтомной биографии Аллана Невинса, который стремился отстоять репутацию Рокфеллера, Рокфеллер исчезает, иногда сразу на несколько страниц, теряется в водовороте обвинений и встречных обвинений. Постепенно в литературе возникла тенденция уделять все внимание грабительским действиям «Стандард Ойл», не уделяя внимания остальной жизни Рокфеллера. Г.-Д. Уэллс отстаивал такой биографический подход: «История жизни Рокфеллера это история треста; он создал трест, а трест равным образом создал его... так что кроме этой истории едва ли представляется необходимым детально описывать его личную жизнь в хронологическом порядке»¹. Биографы так твердо придерживались подобного взгляда, что у нас все еще не существует повествования об этом крупнейшем промышленнике XIX века, в котором бы исследовался его внутренний и внешний миры и синтезировал бы их во всесторонний портрет.

При таком количестве типографской краски, потраченной на Рокфеллера, его биографии портят примитивные повторы. Независимо от

принятого ими политического уклона они, в целом, следуют одной и той же хронологии, повествуют об одних и тех же спорах, о его деловых методах, перепевают все те же старые анекдоты. Складывается впечатление, что смотришь одну и ту же постановку снова и снова, пусть и с разных мест в зале. Отчасти это связано с тем, что у нас меняется подход к жизнеописаниям. За исключением «Джон Д.», тонкого томика Дэвида Фримена Хоука, опубликованного в 1980 году, все биографии Рокфеллера изданы до середины века, и в них присутствует викторианская сдержанность относительно частных дел. Это прекрасный репортаж о событиях, но в них почти отсутствует постфрейдистское любопытство. Они лишь мельком затрагивают, например, историю отца Рокфеллера, двоеженца и шарлатана, который оказал неизгладимое влияние на жизнь своего сына. Даже обстоятельный Невинс показал весьма сдержанный интерес к женитьбе Рокфеллера и к его трем дочерям. Феминистские влияния наших дней позволили появиться на свет двум книгам — «Эбби Олдрич Рокфеллер» Бернис Керт и «Женщины семьи Рокфеллеров» Кларис Сташ, — которые начали вскрывать герметично закупоренный мир семьи. Общественная жизнь Рокфеллера за пределами его кабинета — его друзья, хобби, спорт и т. д. — равным образом пострадала от явного невнимания авторов биографий. В числе прочих вопросов, требующих изучения, политические взгляды Рокфеллера и теория трестов, его отношение к связям с общественностью, его вложения за пределами «Стандард Ойл», передача денег его детям и его династические амбиции, его неослабевающее увлечение медициной и след, который он оставил на многих благотворительных учреждениях, получивших его пожертвования. Также примечательно отсутствие любопытства относительно сорока с лишним лет, которые он провел после ухода от дел, некоторые биографы опускают эти десятилетия полностью. Но именно в эти годы Джон Д. Рокфеллер-младший увековечил и радикально изменил наследие своего отца, и я этому предмету уделяю значительное внимание.

Когда издательство «Рэндом Хаус» предложило мне написать первую полную биографию Рокфеллера со времен Аллана Невинса в 1950-х годах, я, откровенно говоря, засомневался, будучи убежденным, что предмет исчерпан писателями, которые мечтали извлечь выгоду из его славы. Как можно писать о человеке, который возвел секретность в такой культ? В существующей литературе он производит впечатление в лучшем случае одаренного пустого автомата, а в худшем — злонамеренной машины. Я не мог сказать, был ли он бездушным человеком, опустошенным погоней за деньгами, или человеком большой глубины и силы, но со сверхъестественным самоконтролем. Если правда первое, я бы с уважением отказался; в маловероятном случае, если окажется правдой последнее — что ж, тогда я заинтригован.

Чтобы разрешить вопрос, я провел день в Архивном центре Рокфеллеров в Слипс-Холлоу в штате Нью-Йорк, хранилище миллионов семейных документов. Я рассказал кураторам о своих опасениях и объяснил, что не могу писать о Рокфеллере, пока не услышу его внутренний

голос — «музыку его мыслей», как я выразился. И они принесли мне запись интервью, взятого частным образом в 1917–1920 годах в доме Рокфеллера Уильям О. Инглис, нью-йоркский журналист, расспрашивал Рокфеллера для неопубликованной авторизованной биографии. Я корпел над этой рукописью из тысячи семисот страниц и был поражен: Рокфеллер, которого стереотипно считали молчаливым и пустым, как оказалось, обладал аналитическим складом ума, четко выражал свои мысли и мог даже вспылить; он был довольно остроумен, с суховатостью, характерной для среднего запада. Этого человека я не встречал ни в одной биографии. Вернувшись домой, я сказал Энн Годофф, моему редактору в «Рэндом Хаус», что теперь я очень хочу написать эту книгу.

Погружаться во внушительный массив бумаг Рокфеллера все равно, что раскапывать исчезнувший континент. Но даже при таком обилии документации в начале исследования у меня появилось досадное ощущение, что я стою перед сфинксом. Рокфеллер приучил себя раскрывать как можно меньше, даже в личных письмах, и писал их так, будто они могут однажды попасть в руки стороны обвинения. С инстинктивной секретностью он превосходно использовал странные эвфемизмы и туманные фразы. Поэтому двадцать тысяч страниц писем, которые Рокфеллер получил от своего более откровенного делового окружения, оказались неожиданной удачей исторических масштабов. Написанные еще в 1877 году, через семь лет после образования «Стандард Ойл», они дают живой портрет скрытых сделок компании с производителями, переработчиками, транспортировщиками нефти и закупщиками, а также с руководителями железнодорожных компаний, директорами банков и политической элитой. Картина жадности и коварства заставила бы вздрогнуть даже самых предвзятых исследователей Позолоченного века. Мне также невероятно повезло получить доступ к бумагам пяти моих выдающихся предшественников, каждый из которых оставил полные материалы исследований. Я проштудировал множество документов Иды Тарбелл в Музее скважины Дрейка в Титусвилле, штат Пенсильвания, Генри Демареста Ллойда в Историческом обществе штата Висконсин и Аллана Невинса в Университете Колумбия, в дополнение к бумагам Уильяма О. Инглиса и Реймонда Б. Фосдика (автора официальной биографии Джона Д. Рокфеллера-младшего) в Архивном центре Рокфеллеров. Эти собрания содержат огромное количество интервью и других материалов, которые их авторы использовали лишь частично.

Рокфеллера, как и многих магнатов Позолоченного века, либо восхваляли биографы, являющиеся его приверженцами и не видящие ничего дурного, либо поносили злобствующие критики, не видящие ничего хорошего. Подобная однобокость особенно вредна в случае с Рокфеллером, в котором безупречно сочетались грех и святость. Я старался действовать в пространстве широкого коридора между спорщиками и защитниками, убежденный, что жизнь Рокфеллера была единым целым и что набожный, страстно проповедующий христианство Рокфеллер это не просто хитрый фасад для грабежей корпорации. В его характере тесно сплелись религиозность и страсть к наживе. По

этой причине я подчеркнул его баптистский евангелизм как ключ, открывающий многие тайны его жизни. Те, кто хотел бы видеть, как на этих страницах Рокфеллера либо демонизируют, либо канонизируют, будут разочарованы.

Сейчас время кажется благоприятным, чтобы воскресить дух Рокфеллера. С падением торговых преград и движением к экономике свободного рынка, мир объединился в глобальный рынок, который затрагивает семь миллиардов душ, а многие страны еще только выходят из марксистских или меркантилистских систем и пробуют капитализм на вкус. История Джона Д. Рокфеллера переносит нас в те времена, когда промышленный капитализм был еще сырым и новым в Америке, а правила игры еще не были написаны. Рокфеллер больше, чем кто-либо другой олицетворял собой капиталистическую революцию, которая последовала за Гражданской войной и трансформировала жизнь американцев. Он воплощал в себе все ее добродетели — бережливый расчет, уверенность в себе, упорный труд и неослабевающую предприимчивость. И все же, как человек, презиравший правительство и ни во что не ставивший конкурентов, он символизировал и многие из ее наиболее отталкивающих пороков. В результате вокруг его карьеры сосредоточились споры о подобающей роли правительства в экономике, которые не прекращаются и по сей день.

ВСТУПЛЕНИЕ: ЯДОВИТЫЙ ЯЗЫК

«**Ч**тение этой книги воскрешает в моей памяти факты и события, о которых я не вспоминал годами, — размышлял Джон Д. Рокфеллер. — Вещи давно прошедшие и умершие вновь оживают передо мной. Я рад этому, очень рад»¹.

Несколько месяцев Рокфеллер слушал, как его официальный биограф зачитывает вслух книгу Генри Демареста Ллойда «Богатство против Содружества», беспощадное описание его делового пути, опубликованное в 1894 году. Самый богатый человек мира, давно отошедший от дел, которому уже было далеко за семьдесят, нехотя согласился уединиться и вспоминать прошлое. Начиная с 1917 года, по часу каждое утро, Рокфеллер отвечал на вопросы, устроившись в удобном кресле или полулежа на диване в своей спальне в Кайкате, георгианском особняке среди красивых лесов Покантико-Хиллс округа Уэстчестер. Со спокойной совестью, убежденный, что Бог благословил его карьеру и что суд истории оправдал бы его, Рокфеллер покорился этому занятию, только чтобы доставить удовольствие сыну, желавшему очистить семейное имя от всех спорных моментов. Как Рокфеллер напомнил своему биографу, учтивому Уильяму О. Инглису, газетчику, нанятому «Уорлд», старом враге Рокфеллера, только «по настоящему требованию моего сына, который не знаком с этой историей... сам я бы не стал тратить время и силы на опровержение этих вопросов»².

Несмотря на первоначальные сомнения, Рокфеллер не мог устоять перед предложением вновь пережить свои бурные первые годы в нефтяной промышленности, и гигантская задача вспомнить заинтересовала его. За сотни часов интервью, растянувшегося на три года, он возвращался к прошлому и открыто высказывал все, что у него на уме. Временами он говорил о своей жизни в мягких интонациях проповедника, обращающегося к братству родственных душ. В другое время он был сухо язвителен и нещадно насмешлив в адрес своих критиков — хотя все это время, как добрый христианин, старался подавить мстительные чувства к ним.

Инглис с изумлением наблюдал, как волна воспоминаний оживляла старика, его голос из высокого хрипловатого старческого переходил в глубокий мягкий молодой баритон. Его шаги становились пружинистыми и мягкими, когда он мерил шагами пол, излагая славные битвы его карьеры. Рокфеллер не пытался уклоняться от спорных вопросов и предложил совершенно новую структуру разговора о прошлом: Инглис будет зачитывать куски текста из книг двух главных антагонистов Рокфеллера, Генри Ллойда и Иды Тарбелл (их поток упреков был опубли-

ликован в начале 1900-х годов и сильно повлиял на общественное мнение), а Рокфеллер будет опровергать их, абзац за абзацем. Когда эти обвинительные акты только появились, он не соизволил прочесть их, сочтя это ниже своего достоинства. Теперь, с отважной самоуверенностью, он решил напрямую подойти к самым трудным обвинениям. «Восемь месяцев я не был расположен отвечать что-то этим глупым писателям, — отметил он, — но теперь я нахожу это интересным»³. А раз уж Джон Д. Рокфеллер-старший что-то надумал, он проявлял невероятную способность к концентрации.

Когда Рокфеллер предпринял эту отсроченную оборону, он ясно верил, что его прораба доказана временем, так как эти журналисты очернили его репутацию в начале 1900-х годов, и он стал самым ненавидимым бизнесменом Америки. «Все, кто сегодня в деле, работают по современным направлениям, следуют планам, которые первыми предложили мы», — сказал он с гордостью⁴. Общество перестало относиться к нему с прежним ожесточением, считал он, а противодействие его нефтяной империи «практически сошло на нет и не поднималось многие годы, и теперь уже перестало быть модным громить «Стандард Ойл компани»⁵. Действительно, в Первую мировую войну американское общество оценило промышленную мощь компаний «Стандард Ойл», и Рокфеллер рассчитывал, с долей справедливости, что соотечественники теперь рассматривают его как благодетеля, а не как корпорацию-грабителя. Огромные благотворительные вклады, сделанные им в последние годы, также смягчили неприязнь публики к нему.

Как всегда с Рокфеллером, затянувшиеся в ходе интервью паузы оказывались красноречивее слов. Подготовленный Айви Ли, своим специалистом по внешним связям, Рокфеллер говорил о «Стандард Ойл», воздерживаясь от таких нагруженных терминов, как *трест*, *монополия*, *олигополия* и *синдикат* и предпочитал выражение «совместная работа». Он выказывал презрение к книжному миру свободных рынков, порожденному Адамом Смитом: «Каким это стало благословением, когда мысль о совместной работе с железными дорогами, телеграфами, сталелитейными компаниями, нефтяными компаниями появилась и заняла место хаоса, в каком доблестные ученые, ничего не знающие о деле, как они считали, оказывали Богу услугу, поедая друг друга»⁶. За три года беседы Рокфеллер ни разу не упомянул свою самую болезненную неудачу: в 1911 году федеральное правительство разделило «Стандард Ойл» на десятки подконтрольных компаний. Вычеркнув благодаря причудам памяти вердикт Верховного суда, Рокфеллер говорил о «Стандард Ойл», как будто прежний монолит все еще стоял невредимым.

Из всех занятых им позиций, вероятно, сложнее всего было поддерживать утверждение, что он не держит зла на своих недоброжелателей. Рокфеллер приправлял речь отсылками к своей великодушной натуре. «Представители «Стандард Ойл компани» питают самые добрые и дружеские чувства даже к тем, кто сильнее всех поносил их, и готовы отнести это к их слабостям и незнанию и всему остальному,

что ими руководило»⁷. Более того: «А на тех, кто произносил резкие слова, мы не держим зла. «Грешить, как люди, и, как Бог, прощать»⁸. И даже более примирительно: «Я испытываю радость, что мы доброжелательны и приветливы по отношению к этим ревнивым мелочным людям, во главу своей жизни поставившим попытки утянуть нас вниз, потому что не видели ничего дальше кончиков собственных носов».

Тем не менее со временем проповеднический тон Рокфеллера начал колебаться. Он не мог вообразить, что кто-то искренне и принципиально не одобряет его деловой путь и все чаще прибегал к личным выпадам, высмеивая критиков как каркающих, плакальщиков, ворчунов, жалобщиков, шантажистов, пиратов, избалованных детей, нытиков, авантюристов, волков и грабителей. Очевидно, обвинения причиняли боль, особенно со стороны Иды Минервы Тарбелл, чей невозмутимый, пронизательный стиль исследовательской работы превратил его имя в олицетворение корпоративной жадности. Вместе с приближенными по гольфу Рокфеллер подшучивал над ней, называя «мисс Тарбаррел», «мисс бочка с дегтем», но то была прозрачная попытка извлечь жало из ее слов.

За время долгой беседы Инглис всего два раза видел, как рушится железное самообладание и сдержанность Рокфеллера, и оба раза, что показательно, это была реакция на Тарбелл. Первый — когда Инглис зачитывал вслух ее утверждение, что в 1872 году тридцатидвухлетний Рокфеллер захватил кливлендские нефтеперерабатывающие заводы, угрожая сокрушить конкурентов, если они не присоединятся к его синдикату. Именно с 1872 года начался его целеустремленный путь к главенству в нефтяной промышленности. Если этот год запятнан, то все остальное тоже. Инглис ярко описал реакцию Рокфеллера на заявления Тарбелл:

«Это абсолютная ложь!» — воскликнул господин Рокфеллер так громко, что я поднял голову от записей. Он удобно сидел в большом кресле, но на этих словах вскочил и подошел к моему столу. Его лицо покраснело, глаза горели. До сих пор я видел с его стороны только приветливость, а теперь, впервые не возникало сомнений, что он охвачен гневом и негодованием. Его голос гремел громко и четко. Он не стучал по столу, но стоял, сжав руки в кулаки, и было заметно, как сложно ему сдерживаться. Ему не удалось сразу же вернуть равновесие. «Это абсолютная ложь! — выкрикнул он. — Ни одному человеку такого не говорил ни я и ни один из наших представителей. Можете так и записать. Это заявление абсолютная ложь!»⁹

После этой вспышки Рокфеллер успокоился, но выпад причинил боль. Позже он бродил с Инглисом по дорожкам его огромных владений, среди холмов и полей для гольфа. «Как смешотворны все эти разговоры! — воскликнул он. — Это вздор, ядовитый вздор, сказанный с какой-то целью. По сути, мы все находились на тонущем корабле, пока продолжалась яростная конкуренция, и мы пытались построить шлюпку и добраться до берега. Нет нужды угрожать людям, чтобы те сели в шлюпку и покинули тонущий корабль»¹⁰. Захват фирм конку-